

Вита Вупренко

**СМС
НИЧЕГО
НЕ ИЗМЕНЯТ**

10 маленьких историй о любви

Он встретил ее спустя несколько лет. Ее одну он всегда любил, но она была несвободна. А теперь они поменялись ролями. Подарит ли судьба им еще один шанс? «СМС ничего не изменит» и девять других рассказов о любви в сборнике журналиста и популярного женского автора Виты Витренко.

Легкий стиль, реалистичность событий и захлестывающие эмоции: начав читать, вы уже не сможете оторваться. Десять любовных историй, десять маленьких тайн, рассказанных с глубоким и пронзительным чувством.

Вита Витренко СМС НИЧЕГО НЕ ИЗМЕНИТ

Предисловие

Много лет я работаю в женском журнале. Перед глазами — десятки женских историй. Есть среди них истории счастливые и печальные, с хэппи-эндом и без, но все без исключения они о любви. Судьбы моих героинь вдохновили меня на создание этого сборника.

В нем вы найдете десять рассказов о любви: о поиске, о боли разлук, о радости встреч, о рождении и о смерти, о том, что мы скрываем и о чем мечтаем.

Мои герои то пронзительно счастливы, то до надрыва печальны. Они хотят жить, любить и быть любимыми, а судьба играет с ними, как ветер с горсткой лотерейных билетов. Кому-то повезет. Кому-то нет. Но чувства всегда сильны и до боли реальны. Вы узнаете в них себя, даже если не признаетесь себе в этом.

Вита Витренко — журналист, автор, блогер, более двадцати лет пишет для женских и молодежных изданий.

Двое

Она.

Я могла бы поместить ее в дерзкий свободолобивый Амстердам, пропахшую романтикой Венецию или шумный религиозный Иерусалим. Могла бы отправить за счастьем в таинственную Индию или даже в знойную Африку, почему нет? Но у нее самой было настроение исключительно для Львова.

Она долго водит пальцем по планшету, скользит, как на лыжах, по виртуальной карте, прислушиваясь к себе. И наконец понимает: сюда. Виза не нужна. Моря с толпами отдыхающих не будет. Подальше от политики. Можно снять квартиру в тихом районе хоть на полгода, это не ударит по бюджету. Никакого роуминга. И работа со временем, конечно, найдется.

Со временем... Сейчас — никаких работ. Пить маленькими глотками кофе, медитировать на увитом зеленью балконе (да, квартиру непременно должен украшать зеленый балкон или терраса), читать книги, на которые последние годы совсем не хватало времени, спать досхочу, а по вечерам, когда летний зной растворится в ночной прохладе, бродить мощеными улочками и наблюдать за жизнью других.

Узлы с вещами она пока оставит у подруги. С

собой — только самое нужное.

Сложнее всего справиться с обидой. Говорят, от нее все болезни. Нужно простить и отпустить. Маша включает блюз. Ложится на продавленную Олькину софу, закрывает веки и повторяет: «Прощаю, прощаю, прощаю». А слезы катятся по ее бледным щекам одна за другой, оставляя за собой две мокрых дорожки. И никакой блюз не в силах унять эту боль...

Он.

Кофе горький, невкусный, остывший, он сыпет вторую ложку сахара, с сердцем размешивает, а потом думает: «Вылью. Сейчас подойду и вылью ей прямо на стол. Пусть хотя бы научится делать достойный кофе».

Но, конечно, он никуда не идет и послушно выпивает холодный противный напиток.

Затем открывает «Фейсбук» и читает ленту друзей. Грязные новости, пустые споры, мерзкие комментарии, хвалебные оды, нарциссические фотки, мещанские картинки пестрыми хлопьями залепляют мозг. В его голову кто-то вставил конвейер с манной кашей, которая нейтрализует все мысли. Он хочет закрыть страницу, удалить свой профиль, а лучше отрезать интернет навсегда, но, конечно, не делает этого, а продолжает листать ленту, как замороженный.

Заходит та, что варит противный кофе. «Игорь Семенович, к вам пришел человек».

«Что за манера? — хочет выкрикнуть он. — Почему нельзя просто сообщить имя? У него ведь есть имя, фамилия и должность. И цель, с которой он тут торчит».

Но, конечно, он в очередной раз съедает ее реплику, точно как выпил кофе, морщится, трет глаза, а потом привычно спрашивает: «Кто?».

Она докладывает, путая буквы в фамилии.

«Завтра я уволю ее», — обещает он себе, потом смотрит на весь ее печальный облик и понимает, что снова соврал, снова сам себе врет.

«Как же все надоело! — думает он. — Зачем мне этот дурацкий бизнес, если меня от него тошнит? Зачем мне этот прокуренный офис, если я люблю свежий воздух? Зачем мне эти деньги, если я трачу их на то, что мне не нужно? Какая глупая жизнь, о господи, зачем же такая жизнь?»

Он идет в митинг-рум, вспоминая лицо своей дочери, которую не видел уже полгода.

Случайный прохожий.

Он просто торопится домой. При этом сияет от радости — купил по дешевке черешен. Впрочем, какие черешни в августе? Значит, он купил абрикос, спелых солнечных фруктов, надавишь — и брызнет ароматный сок во все стороны. Продавщица

спешила и отдала последние два кило по смешной цене. То-то жена удивится! Улыбка сама натягивает ему рот. Как мало человеку нужно для счастья!

Она.

В том, что ее уволили, нет ничего удивительного. У нее была слишком высокая должность и слишком завидная зарплата. В кризис можно обойтись без таких специалистов. На ее место, наверное, наняли пятеро обычных трудяг.

А разве она не была трудягой? Разве не посвящала 80 % времени фирме, которая в итоге дала ей смачный пинок под зад? Даже ребенка не родила, потому что слишком ответственна. И что в результате? Осталась трудяга с носом.

Маша хочет закурить, даже начинает искать сигареты в карманах, но вспоминает, что уже давно не курит. Она хочет закричать так, чтобы лопнули стекла, но, конечно, молчит — соседи услышат. Скоро вернется с работы подруга. Надо бы сварить какой-нибудь суп, легкий летний суп. Брокколи, молодая морковка, свежая зелень петрушки... Но откуда у Ольки брокколи? Одни кабачки.

Отставить суп. Маша надевает белый, слегка помятый из-за лежания в сумке сарафан, красит губы клубничным блеском и выходит из дома. У нее больше нет машины — она пользовалась служебной, и Маша бредет по солнцу к

троллейбусной остановке. Блеск растекается по губам. Фирменные темные очки закрывают половину хорошенького лица. У Маши есть неотложное дело, если сильно спешить, то она сегодня успеет.

Как же жарко, в этом троллейбусе невыносимо жарко!

Он.

В половину второго он спускается вниз, в кафе «Семеро снегирей», съесть свой традиционный ланч за 50 гривен. Сегодня в меню зеленый борщ со шпинатом, салат «Овощная феерия» и картофель фри с рыбой под сыром. Можно взять отбивную, но он решил стать вегетарианцем.

Борщ со шпинатом пресен. Зачем так пафосно называть обычный салат с капустой? Мама готовила лучше. Эх, выпить бы за царство ее души.

Только пить пока рано. Впереди две встречи, митинг, переговоры. Игорь ковыряет вилкой хека под сыром, размышляя о том, что это несочетающиеся продукты.

Сегодня новенькая официантка. Она молода и неопытна. Уронила салфетку, разлила стакан воды. Наверное, ей сделают замечание, думает Игорь. Оставлю-ка ей чаевые.

Мысль рождается в нем, подобно цунами.

Сначала это лишь легкое дуновение ветра. Что-то не дает ему покоя. Он ловит, ловит ускользающее нечто, разминая картофель фри в пюре. И когда, напрягши от усилия все лицевые мускулы, Игорь вдруг ухватывает этот обрывок, то мысль в мгновение ока набирает скорость неконтролируемого потока, летит, увеличиваясь на ходу, и наконец бурно захлестывает Игоря. Решение принято. Дальше тянуть некуда.

Он спокойно встает из-за стола, оставляет недоеденный ланч и щедрые чаевые, и уходит, ни разу не обернувшись. Прощайте, «Семеро снегирей», прощай, опротивевший хек и шпинат, прощай, юная официантка.

Уличный музыкант.

Он виртуоз, потерявший работу. Играет в подземном переходе на скрипке. Люди бросают какие-то деньги. Ему все равно — он даже не смотрит. Есть только скрипка, смычок и звуки. Под его умелыми пальцами скрипка стонет, плачет, поет, ликует, смеется, собирая вокруг толпу. Кто-то аплодирует, кто-то кричит: «Браво!». Игорь останавливается лишь на минуту. «Какой же счастливый, — думает. — У него есть любимое дело». Игорь без раздумий поменялся бы местом со скрипачом.

Она.

Маша точно знает, что Матвея нет дома, потому что под окнами не блестит его ауди. Маша радуется, что в сердцах не кинула ему ключ в лицо, не выбросила с моста в Днепр, не отправила владельцу по почте (сработала врожденная осторожность). Теперь она может беспрепятственно войти в дом, где провела семь лет. Счастливыми ли они были?

Бабушки на скамейке смотрят на Машу с нескрываемым любопытством. Она не снимает очки, лишь мельком кивает знакомым старушкам. Уплывает белым, немного помятым лебедем в прохладу некрашеного подъезда. Ей все равно, что подумают о ней семечковые феи.

В квартире родной запах, аж сердце сжимается. Еще бы — и трех недель не прошло! Запах родной, а на полочке в ванной чужие вещи. Крем от загара Nivea, дезодорант Eve Roshe. Маша не разрешает себе открывать шкафчики и рассматривать их содержимое. «А если сейчас она выйдет из комнаты? — думает. — Ну что ж, улыбнусь, какая теперь разница? В конце концов, я пришла за своим».

Она проходит на кухню, замечает чашку со следами губной помады. «Вот грязнуля, хоть бы вымыла за собой», — кривится. Когда-то она очень любила Матвея. Но сейчас почему-то нет даже

ревности.

«Мы очень давно жили, словно чужие. Пока я работала, не замечала этого. Но что я в сущности знала о его жизни?».

«Сама виновата, вот родила бы ребенка, вышло бы все по-другому. Я отдала всю себя работе, а он тоже нуждался в заботе и ласке. Теперь его ласкает другая, та, что не моет чашки».

«А ведь он был хорош в постели. Он всегда доводил меня до блаженства. Даже когда уже не любил. Жаль, что я не ценила этого».

Маша вспоминает Матвея. Его гибкое сладкое тело. Его дерзкие темные кудри. Его подернутые стеклянным блеском глаза, когда она к нему обращалась в последнее время. Но ведь они были такими не всегда? Не всегда.

Она берет со стола клетку с попугаем и шепчет: «Прости, Гаврюша, прости, так вышло. Видишь, я за тобой вернулась. Только, пожалуйста, веди себя тихо. Мы ведь поедem в троллейбусе».

Гаврюша радуется, но послушно молчит. Маша сыпет ему горсть семечек.

Он.

Игорь отменяет встречи, и митинг, и переговоры. Та, что варит плохой кофе, смотрит на него в недоумении. «Я заболел, — невозмутимо врет Игорь. — У меня на улице случился тепловой

удар». И уже в дверях, не оборачиваясь, с выдохом: «Вы уволены».

Завтра он продаст бизнес знакомому. Кстати говоря, тот давно его на это уламывал. А сам купит себе маленький домик. Где-то в карпатском селе, подальше от суеты. Он заведет белую козочку, назовет ее Лейкой. В детстве в их доме жила коза с таким же смешным именем. Мама бойко доила Лейку изящными руками. Мама мечтала о сцене и большом городе. Она хотела быть балериной или, на худой конец, актрисой. Ей казалось, что в городе живет счастье. Кстати, Игорь забрал ее на старости лет в Киев. Но она почему-то до конца жизни вспоминала молодость и родную хату.

А вот Игорь устал от города, от машин и толпы. Счастье прячется где-то в карпатских лесах, в горных реках, может быть, в домиках гномов. В городе слишком много людей, счастья на всех не хватает. Игорю вот не досталось ни кусочка, а за деньги его не купишь. Странно.

Он принимает душ, потом начинает паковать вещи. Но он слишком взволнован, все валится у него из рук. Сложно сообразить, какая одежда ему теперь пригодится. Может быть, вообще ничего не стоит брать, только кредитку?

Игорь садится за компьютер и пытается написать письмо дочери. Ирме уже 14. Какое все-таки вычурное имя. Они с женой никогда не

понимали друг друга. Письмо не клеится, он жмет на del чаще, чем на пробел.

«Дорогая дочка!» Нет. «Ирмочка!». Плохо. Лучше бы Эльвира не читала, но она обязательно влезет.

У дочери тоже есть профиль в «Фейсбук», страничка «Вконтакте» и в «Одноклассниках». Папа давно следит за ее виртуальной жизнью. Он никогда не писал ей писем. Они редко встречались, Эльвира была против. Экс-супруга из тех женщин, которые наказывают мужчину детьми. Зачем он вообще на ней поспешил жениться?

После трех часов борьбы с самим собой он посылает в невидимое пространство всего несколько строк. «Ирма, я уезжаю. Если тебе что-то надо, звони, вот номер. Помни, что я тебя люблю и всегда помогу. Папа».

Маленькая девочка.

Громко плачет, потому что бабушка не купила ей мороженое. Бросилась бы на землю, да боится запачкать платице. «Это все потому, что ребенок растет один, — думает бабушка. — Родители на работе с утра до вечера. Пять лет, а ни братика, ни сестрички. Ей бы друга».

Вдруг девочка замечает Машу с попугаем. Попугай с хохолком, милый, желто-зеленый. Он спокойно сидит в клетке и лузгает семечки. Детские

слезы высыхают сами. Девочка смеется. «Ей нужно купить птичку. Или котенка!» — осеняет бабушку.

Она.

Поезд набирает ход, унося ее в новую жизнь. Я бы соврала, если бы написала, что она не испытывает сожаления. Разве мало ей дал этот город? Любовь, признание, успех, благополучие. Многие только мечтают об этом!

Но странно устроен мир. Когда человеку кажется, что он схватил Бога за бороду, судьба ставит ему подножку. Чтобы не загордился. И вызов нужно принять достойно.

«Время разбрасывать камни и время собирать камни», — говорит себе Маша, провожая взглядом родные места. Обида все еще не растаяла в ней до конца, жжет угольком сердце.

Единственное живое существо, которое осталось ей верным, — Гаврюша. Имя ему, кстати, выбрал Матвей. Не сильно удобно путешествовать с попугаем. Попугачики насторожены, а вдруг птица будет мешать спать? «Я накрою клетку полотенцем, и он быстро уснет», — успокаивает их Маша. Тут ехать всего-то ночь, а потом можно взять такси, решает она.

Маша закачала в свой киндл новые книги. Но что ни начнет читать, неинтересно. «Я разучилась воспринимать нормальные тексты. Вся голова

заполнена обрывочной информацией. Я вообще разучилась чувствовать. В этой гонке за призраками я потеряла себя».

«Что приносит вам счастье?» — внезапно спрашивает она у полной румяной женщины с верхней полки. Та смотрит на Машу с удивлением. Задумалась, закусил губу. «Дети у мамы, могут отдохнуть, выспаться», — наконец произносит она.

«Счастье, внученька, чтобы тебя любили, — вдруг подает голос бабушка напротив. — Мой муж меня очень любил. Жалко, что так рано умер».

Маша думает о том, что ее мама и папа тоже друг друга любили. И тоже умерли рано. Попали в аварию. Жизнь нужно ценить, думает Маша, засыпая. Все трудности преодолимы. Вот только бы любовь опять не пропустить...

Он.

В его внедорожник уместилась половина квартиры. Остальное он заберет потом, когда устроится. Нет колебаний, или сожаления, или страха: Игорь весь охвачен идеей побега. Побега из собственной жизни.

Звезды светят ярко, как никогда. Полная луна словно улыбается Игорю. Кажется, что она одобряет его решение и даже подбадривает.

Впереди — бескрайние поля и горизонты, новые дороги, неизвестные места, невероятные

встречи. Снова, как в детстве, кажется, что мир огромен, а не умещен в треугольнике «дом-офис-супермаркет». Как в детстве, хочется бежать вперед, раскинув руки, и представлять себя птицей. Ночной воздух пахнет свободой.

Он все продумал: к утру будет во Львове. Поживет в отеле, посмотрит город, встретится со старым надежным другом. Потом поедет в Ивано-Франковск, а там — Коломыя, Ворохта, Яремче. Никто не гонит Игоря в шею, есть время осмотреться и выбрать усадьбу. Год поживет в спокойствии, ухаживая за домом и садом. А там как Бог даст.

Он жмет на газ и уносится в ночь под звуки радио «Джем».

Дорога хорошая, машина идет, как по маслу.

Часам к девяти он уже будет на месте.

Кондитер.

Он встает засветло, чтобы успеть к открытию. Его отец был кондитером, а дед пекарем. Сейчас у него профессиональный штат, но он по-прежнему любит сам наполнять трубочки кремом. Крем должен быть свежайшим, высшего качества. Он бережно взбивает его из хороших густых сливок. Проверяет на вкус и удовлетворенно улыбается. Нет большего счастья, чем видеть, как люди радуются тому, что ты делаешь.

Они.

Двое бредут по мостовой старинного города. Она выходит с улицы Театральной, он с Галицкой. У обоих нет важных дел, зато много свободного времени. У обоих за плечами — невидимые мешки с грузом из прошлого. Груз давит на плечи, его хочется сбросить, но он словно прирос к телу.

Каждый думает о своем.

«Все же мы могли стать счастливыми... Но уже поздно».

«Нужно было уделять больше времени дочке. Приглашу погостить следующим летом».

«Должно быть та, новая, родит Матвею ребенка».

«Вот интересно, Матвей потянет мой бизнес?».

«Надо бы не забыть купить корм для Гаврюши».

«Надо бы заехать на СТО и поменять масло».

«А вот и кафе! Освежусь-ка чем-то холодным».

«О, наконец-то выпью хороший кофе с пирожным».

Они синхронно сворачивают в кондитерскую, проходят вовнутрь, не обращая друг на друга внимания. Она заказывает лимонад и, подумав, трубочку с кремом. Он — капучино и две трубочки

с кремом.

Свободен всего один столик.

«Вы не против?» — спрашивают они друг друга почти одновременно. И поднимают глаза.

«Я его знаю, — вдруг понимает Маша. — Я откуда-то его знаю».

«Это не может быть совпадением, — думает Игорь, — я уже ее видел».

«Какое открытое лицо...»

«Какой глубокий взгляд...»

Они смотрят друг на друга, не отрываясь. Стынет кофе. Нагревается лимонад.

Кажется, свершилось.

Талисман по имени Дина

Дина приехала в Киев из Макарова. Была она барышней ладной, сбитой, словно выточенной из монолитного куска добротного дерева, и характер имела такой же — цельный, прямой, со стержнем. Лицом бог наградил Дину нежным: носик маленький, ровный, рот аккуратный, глаза большие, глубокие, как морское дно, и цвета такого же. Но пользоваться этой красотой Дина не хотела: упаковывала ее в темные бесформенные наряды, пышные, с рыжинкой, волосы стягивала в пучок, косметику игнорировала.

Держалась Дина гордо и в то же время

скромно: на работу приходила вовремя, в офисные споры не встревала, в курилке не сплетничала. Но панибратства с собой не позволяла. И когда девчонки на первых порах звали ее в перерыв попить кофейку (читай перемыть косточки начальству), она неизменно благодарила, но отказывалась. Если ей нужно было обратиться к кому-то из коллег по рабочему вопросу (а по другим Дина не обращалась), она подходила к его столу, смотрела своими дивными глазами в лоб и тихо, но внятно чеканила: «Прошу прощения, мне надо то-то, в такие-то сроки». Многим она казалась грубоватой и даже бессердечной. Но один эпизод полностью изменил к ней отношение сотрудников.

По мэйлу пришло письмо: «Помогите ребенку!» Такие письма в нашей компании не редкость. Но в этот раз несчастье случилось у родственника одного из коллег. На стол положили конверт: кто сколько сможет. Собирали на операцию. Дина в перерыв тихонько сбегала к банкомату, а потом, когда большинство наших было на обеде, положила в конверт пачку сотенных бумажек. Тысячу, не меньше. Зоя не выходила, она видела. И если б у Дины была большая зарплата, так нет, средненькая, бухгалтерская. Она еще и комнату снимала. Но вот не пожалела денег на чужого ребенка.

Об этом, конечно, все узнали и стали на нее

смотреть по-другому — с уважением. Между нами по-прежнему оставалась невидимая стена. Но теперь она не разделяла нас, а огораживала Дину и защищала ее.

Однажды Дина не пришла на работу. Не перезвонила. И мобильный не отвечал. Мы прождали день. На второй начальница вызвала меня: «Ты живешь ближе всех. Съезди, узнай, вдруг что-то случилось. Она ведь тут одна». Дина хорошо работала, добросовестно. Ее ценили.

Я обрадовалась возможности прогулять полдня. Была уверена, что Дина уехала в Макаров и по каким-то причинам там застряла. А мобильный могла, например, потерять. Город заливал дождь. Включив дворники на полную мощность, я на своем выдавшем виды фольксвагене рулила к Дининому дому.

Естественно, она не открыла. Для очистки совести я еще раз впилась в звонок — и на пороге появилась Дина. В коричневом старомодном платье, облегающем ее крепкую фигуру, с бледным лицом и потухшими глазами.

— Ты дома? — от души удивилась я, понимая, что меня не ждали.

— Дома, — спокойно ответила Дина.

— А почему мобильный не берешь?

— Не хочу.

— И на работу поэтому не ходишь?

— Не хожу, — эхом повторила Дина. — Я и жить тут скоро не буду. Домой поеду.

— Дин, а что случилось? — я старалась, чтобы мой голос звучал как можно мягче и участливее.

— Да у вас тут не люди, а, прости, собаки, — впервые я видела, как Дина дала волю эмоциям. — Я к этому никогда не привыкну. Вчера на моих глазах какой-то гад на джипе бабушку сбил, не остановился и уехал.

— Что, насмерть? — ахнула я.

— Да нет, слава богу. Задел несильно. Но старушка, как я поняла, внука сама воспитывает. Все причитала: «Что теперь с Алешенькой будет? Как он сам, без меня?» Я ее спрашиваю: «Это ваш сын?» А она: «Нет, внучок, родители за границей, он со мной живет». Я вызвала «скорую», в больницу ее оформила. А теперь... Пропала она из больницы. И, самое обидное, что никто ничего говорить не хочет. Дескать, я не родственница — не положено. Был человек — и нет. Может, она умерла от шока. Может, этот, с джипа, ее нашел и убил, чтобы не заявила. Не найдешь концов. А с внуком что будет? Руки опускаются, — лицо Дины покраснело. Было видно, что она сдерживает слезы.

— Погоди. Иногда вещи не такие, какими кажутся на первый взгляд. Давай по порядку

разберемся. Только мне на пороге топтаться неудобно... Можно пройти?

— Проходи, — равнодушно пригласила Дина. — А что разбираться? Номер, жаль, не запомнила. Только начало: АА 25. Серебристый джип. На перекрестке, недалеко отсюда. Бабушка, правда, на красный переходила. Но это не повод людей, как собак, давить, согласишься.

Я кивнула. С одной стороны, негодование Дины было мне понятно — как любой человек, не лишенный сострадания, я бы тоже переживала. Но чтобы вот так, из-за чужой старушки, решиться работу бросить, — нет, я на такое не способна.

— Так а внуку почему позвонить нельзя?

— В том-то и дело! Она от потрясения телефон вспомнить не могла, а потом ее успокоительным накололи, и она заснула. А сегодня все, исчезла.

Дина развела руками. Мы прошли в скромную кухоньку, убранную по-селянски: вышитая скатерть, луковая коса на стене, в углу — икона на рушнике. Ароматно пахло травами. Печальная Дина поставила чайник. И стала в подробностях рассказывать свои мытарства в больнице.

— А ты бабушкину фамилию помнишь? — внезапно мне в голову пришла идея.

— Васильцова Вера Степановна.

— Ничего гарантировать не могу, но если

повезет... Вряд ли они с внуком снимают квартиру. Выключай чайник, поедем ко мне. У меня интернет есть, скачаем базу 09.

Дина даже переодеваться не стала. Так на свое нелепое платье и накинула черную куртку. И зачем она так грустно одевается? В голубом или светло-зеленом, под глаза, ей было бы великолепно!

Мы вынырнули из теплого подъезда и, перепрыгивая через лужи, вскочили в машину. Как хорошо, что я жила недалеко! Уже через четверть часа я вводила в строку поиска фамилию «Васильцова». База тут же выдала 25 Васильцовых, имеющих квартиры в столице.

— Ничего себе, — вздохнула я. — Жилье может быть не на нее зарегистрировано. Мы теперь до конца дня их обзванивать будем.

— Смотри, это, наверное, она, — Дина указала на Васильцову В. С. Адрес, телефон. Улица в двух кварталах от Дины. Все сходится. Повезло!

Но номер молчал. Может, Алеша, который по нашим расчетам уже давно должен был прийти из школы, разыскивает бабушку?

— Поехали! Подождем! Или записку оставим! Света, ты извини, давай бутерброды ему сделаем. А вдруг он голодный уже второй день? — суетилась Дина.

Целый час мы просидели под подъездом без вести пропавшей Васильцовой. Опросили пятерых мальчиков и одну девочку (на всякий случай). Алеши среди них не было, мало того, пацана с таким именем из этого подъезда никто не знал. Перед тем, как оставить записку под обитой салатным дерматином дверью, я все-таки еще раз позвонила. И второй раз за сегодня, неожиданно для меня, чужая дверь отворилась. На нас удивленно взирал симпатичный молодой мужчина в светлой рубашке и черных брюках со стрелками. Очки с толстыми стеклами придавали его мягкому лицу суровости.

— Ошиблись, — ойкнула Дина из-за моей спины.

— Простите, мы мальчика ищем. Алешу, — оправдываясь, добавила я.

— Алеша — это я, — грустно ответил молодой человек. И философски изрек:

— Давно уже не мальчик. А вы, наверное, по поводу бабушки?

Я видела, как Дина напряглась. Да и самой стало не по себе — щекотливая ситуация. Я чуть не выпалила: «Сожалею», но Алеша вовремя сказал:

— С ней все в порядке. Это вы, наверное, ее в больницу привезли? Спасибо вам большое! — он протянул мне руку.

— Вообще-то я тут ни при чем, это Дина, вот

кому нужно руку жать! — я подтолкнула свою коллегу к великовозрастному внуку Веры Степановны. Тот долго сжимал ей руку, благодарил, улыбался.

— Так бабушка уже дома? — не выдержала я.

— Нет, что вы. Она еще несколько дней в больнице будет. Все-таки пожилой человек, испугалась. И плечо болит, удар-то сильный. Только ее в другую клинику перевели — в частную. Фонд какой-то — Помощи пострадавшим от ДТП, что-то в этом духе. Давайте адрес дам, бабуля очень вам обрадуется, она все время о вас говорила.

Записывая адрес, Алеша периодически косился на Дину. Под его взглядом на ее щеках разрастался румянец.

Еще через час (проклятые пробки!) мы были в клинике. Вера Степановна, седая упитанная бабулька с добрым лицом, возлежала в одноместной палате. Ее тумбочка была уставлена фруктами и соками, а рядом ворковал статный мужчина лет пятидесяти в кожаном жилете:

— Вы, уважаемая, не переживайте! Наша организация как раз такими случаями и занимается. Мы все сделаем, чтобы поймать этого горе-водителя! А пока спокойно лечитесь и не позволяйте себе нервничать!

Увидев нас, дяденька обрадовался: